Любимый царев «Огород»

Если дата основания первого Летнего дворца остается неясной, то когда заложили Летний сад («Огород»), известно точно — в 1704 г. Тогда Петр впервые стал выписывать для него семена цветов из славившегося своими садами подмосковного Измайлова, а потом кусты и деревья из окрестностей Москвы и из-за границы, особенно из Голландии. Как известно, царь был не только реформатором общества, но и преобразователем природы. Он хотел подчинить ее себе так же, как подчинял людей. На петербургской почве высаживали растения других климатических зон, вроде винограда или хлопчатника. В большинстве они вымерзали в открытом петербургском грунте. Но тем не менее усилия Петра оказались не напрасны: согретые и защищенные от ветров камнем города, цветут сегодня каштаны, липы и другие непривычные для этой климатической зоны растения, как будто они цвели здесь всегда. Исследования ботаников показали, что многие виды завезенных растений прижились в городе и его окрестностях и даже «расползлись» из «регулярных» садов и парков в дикую природу, приспособились к ней.[281]

Петр так спешил с устройством сада, что приказывал привозить и сажать взрослые деревья с обширной корневой системой, выкопанные глубокой зимой, когда растения спали. Весной часть из них гибла, но многие приживались, и это давало необыкновенный эффект — только что основали парк, а в нем уже «выросли» взрослые деревья! Речь идет о гигантских масштабах пересадок. Только в 1722 г. Петр распорядился привезти в город 58 тысяч лип и других лиственных деревьев.[282]

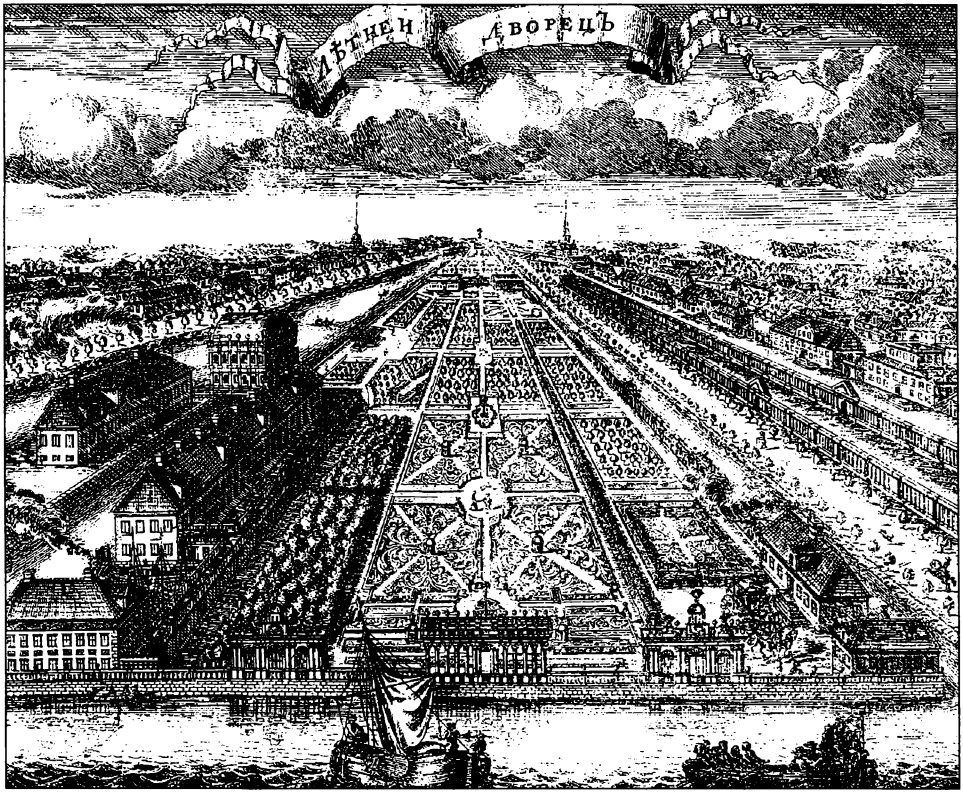
Царь всегда думал о своем «Огороде» и помнил все мелочи. В августе 1707 г., занятый войной со шведами, он писал из похода А. В. Кикину, что ему известно: «Многие деревья засохли, о чем также прошу в осень... на тех местах новые с лутчим бережением коренья и земли около них посадить в толстую оглоблю или малым толще». В другом письме Кикину он писал: «По письму вашему уведомились мы о дубовой роще, которой

---

[280] РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 4. Л. 13 об.

[281] *Горышина Т. К.* Растительный мир старого Петербурга // НА. Сб. 1. С. 296; *Дубяго Т. Б.* Русские регулярные сады. С. 41.

[282] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 25. Л. 34 об.



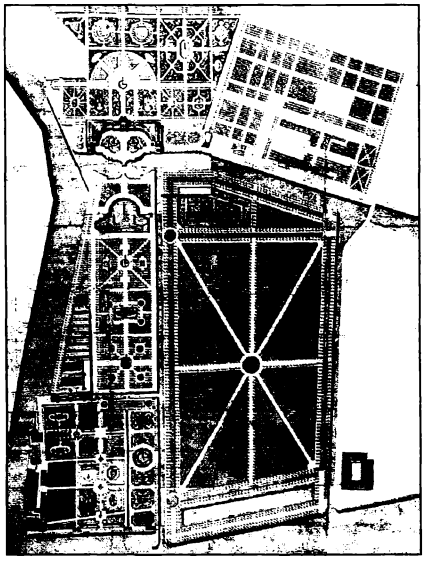
Вид на Летний сад со стороны Невы в Петербурге. *А. Ф. Зубов. 1716*

большая часть посохла, того ради...» И далее государь объясняет технику зимней посадки: «Нынешнею осенью заранее присмотри несколько небольших дубовых, а лучше кленовых дерев молодых и, присмотря, окопать около оных землю кругом и не замать до заморозов, чтоб окопанную землю с коренем морозом укрепило, и тогда перевесть и посадить в порожжем месте, где еще роща не досажена, а старых, которые посохли, до весны не выкапывать — авось ли б из тех примутца некоторыя». Царь придирчиво следил за своими садом и сердился, если ему не рапортовали о его состоянии. В 1707 г., он разгневанно писал Кикину: «Щербаку и Островскому скажи, что они ко мне не пишут о моем дворе, а паче о огороде — за то им сам привезу по кафтану стеганому доброму».[283] Какие «стеганые кафтаны» привозил склонный к мрачному юмору государь, подданные его хорошо знали.

[283] Бумаги императора Петра I. СПб., 1873. С. 9—10.

Много лет Летний сад благоустраивали и холили опытные иностранные садовники, главным из которых был Ян Роозен, работавший в Петербурге с 1712 по 1725 г. Петр посылал в Голландию учиться садовой науке и русских людей.[284] Роозен (а потом и Леблон) составлял планы Летнего сада, придумывал в нем различные усовершенствования. Планы эти исправлял сам Петр, относившийся к своему детищу весьма пристрастно.[285] Каждый раз, возвращаясь из походов, царь любовался своим подросшим «Огородом».[286]

Иностранцы, посетившие Летний сад, восхищались увиденным. Как известно, в регулярных садах главным был геометрический принцип, выражавшийся в жестком подчинении природы искусству, в строгом следовании законам симметрии и перспективы. Поэтому деревья и кусты обязательно подстригали, порой самым причудливым образом в виде шаров, кубов, а также зверей или птиц. Густая подстриженная зелень сирени, черемухи, акации, самшита (а при его недостатке — можжевельника), упроченная каркасами из проволоки и реек, делила все пространство сада на изолированные боскеты, коридоры, лабиринты. В выстриженных трельяжных нишах стояли статуи или журчали фонтаны. Посетители проходили по крытым «огибным» дорожкам (другое название — «покрытые галереи»). Делать их было непросто. Каркас из деревянных дуг («поддуг») прикреплялся к врытым столбикам брусками, а затем ветви посаженных рядом деревьев и кустов пригнетали и привязывали к этим сооружениям с помощью проволоки. Так возникал живой свод, создававший тень.[287] Из документа 1720 г. видно, что деревянные конструкции «крытых дорог» красили зеленой краской, а проволоки на их укрепление уходило очень много — «двадцать пуд».[288] По этим зеленым коридорам посе-



Три Летних сада
и Большой луг в Петербурге.
План. Проект. 1716—1717

[284] РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 10а. Л. 32.

[285] *Дубяго Т. Б.* Русские регулярные сады. С. 63—70.

[286] *Ионг де Э. А.* «Paradis Batavus»: Петр Великий и нидерландская садово-парковая архитектура // Петр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого. СПб., 1997. С. 286—303; *Рейман А. Л.* Голландское влияние на садово-парковое искусство Петербурга XVIII века // Там же. С. 304—317.

[287] РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 530. Л. 28.

[288] Там же. Оп. 2. Д. 30б. Л. 125.

тители выходили в такие же зеленые залы, к пруду, посредине которого был островок с беседкой — место уединения царя. Иностранец, побывавший в Летнем саду в 1721 г., пишет, что попасть в беседку с берега можно было только на ботике. В пруду плавали утки и гуси, которые жили в домиках на берегу. Здесь же на крошечном, «всамделишном» кораблике катался карлик Петра.[289] По дороге, на мостике гости могли случайно наступить на рычаг «фонтана-шутихи», и тогда их обливало струями воды, хотя, судя по современному Петергофу, под мостом скорее всего сидел служитель, открывавший кран.

Аллеи и дорожки, усыпанные мелкими ракушками[290] (а не песком), украшали мраморные статуи и бюсты, заказанные Саввой Рагузинским и другими эмиссарами Петра у венецианских скульпторов Пьетро Баратты, Джованни Бонацци, Антонио Тарсиа, Джузеппе Торретто и др. Была здесь и античная скульптура, закупленная в Риме и других местах Италии Юрием Кологривовым.[291] Все эти статуи появились в Летнем саду к концу 1710-х гг. Иностранный путешественник, побывавший в Летнем саду в 1710 или 1711 г., писал, что в нем не было ничего примечательного, за исключением нескольких мраморных статуй и бюстов, среди которых были заметны бюсты польского короля Яна Собеского, его супруги Марысеньки и шведской королевы Кристины.[292] Положение резко изменилось к 1719 г., когда в саду начали срочно строить из дерева пьедесталы под фигуры, вазы и бюсты, доставленные из Италии.[293] Среди садовой скульптуры выделялась привезенная из Италии «Венус» (знаменитая Венера Таврическая), которую поставили в одной из трех прибрежных, идущих вдоль Невы, галерей («Голярея, что в еловой роще»). Возле статуи (вероятно, для защиты от воинственных консерваторов и пьяных поклонников мраморной дамы) держали караул.[294]

Отступление

«Купил я статуу марморную Венуса, старинная»

Так писал Петру I в 1719 г. из Рима его агент в Италии Юрий Кологривов, который занимался закупками «марморов» для царских садов и дворцов. Кологривов приобрел эту античную статую III в. до н. э., найденную в окрестностях Рима буквально накануне, и заплатил за нее всего

[289] *Берхгольц Ф. В.* Дневник... Ч. 1. С. 62.

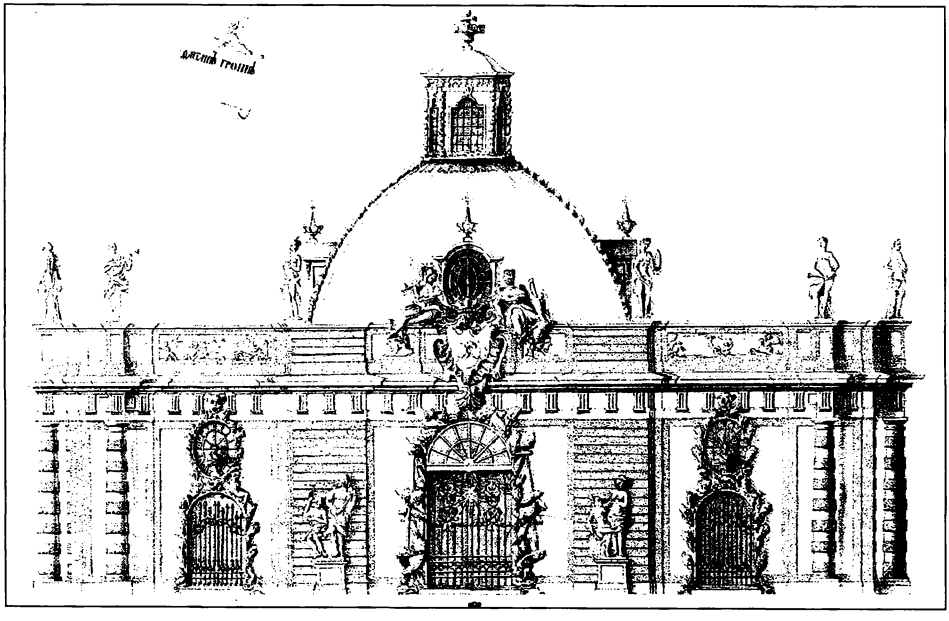
[290] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 44г. Л. 245.

[291] Об этом см. многочисленные работы С. О. Андросова, и прежде всего монографию «Итальянская скульптура в собрании Петра Великого» (СПб., 1999).

[292] Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург... // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I... С. 53.

[293] РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 3б. № 86 (по описи).

[294] *Берхгольц Ф. В.* Дневник... Ч. 1. С. 61—62.



Грот в Летнем саду. *М. Г. Земцов. 1720-е*

лишь 196 ефимков. Кологривов увел шедевр из-под носа одного из местных «охотников» — влиятельных любителей древностей и надеялся контрабандой вывезти шедевр из Рима, но замысел его не удался: такие находки по закону принадлежали Папскому государству и на статую тотчас наложили арест. По просьбе Кологривова в дело вмешались русский агент в Италии Савва Рагузинский, канцлер Г. И. Головкин и даже сам Петр I — началась переписка с влиятельными кардиналами Оттобони и Альбани. В конце концов папа Клемент XI решил, в виде исключения, подарить статую, после надлежащей реставрации, русскому царю. При этом Ватикан надеялся, что Петр сделает ответный жест доброй воли и поможет вывезти из лютеранской Швеции в Рим мощи почитаемой католиками святой Бригитты.[295] *Это пожелание, настойчиво повторяемое в письмах официальных лиц папского престола, впоследствии породило легенду об «обмене» Венеры на мощи святой Бригитты, якобы захваченные Петром в монастыре в Пирита под Ревелем. На самом деле монастырь святой Бригитты в Пирита был разрушен русскими еще в 1577 г., а мощи находились в шведском городе Вадстенде. Надежды Ватикана на обмен строились на том, что при заключении мира со Швецией Петр может полу-*

[295] *Андросов С. О.* Итальянская скульптура... С. 95.

чить «ненужные» «богомерзким лютеранам» мощи католической святой и затем передаст их Риму. Петр, канцлер Головкин, Рагузинский и другие охотно обещали Риму содействовать возвращению мощей в лоно католической церкви. Но обещания эти оказались лживыми — получив весной 1721 г. «Венус», Петр даже не упомянул о мощах в инструкциях Я. В. Брюсу и А. И. Остерману, которые вели со шведами переговоры о мире в Ништадте. Поняв обман, Рим прекратил переписку с русскими.

Венеру установили в галерее Летнего сада, после смерти Петра перенесли в Грот, где она и простояла до 1801 г. Потом «Венус антик» оказалась в Таврическом дворце, благодаря чему и приобрела свое современное название: «Венера Таврическая». В 1827 г. ее реставрировал в Академии художеств В. И. Демут-Малиновский. Реставрация, как тогда было принято, больше походила на переделку: русский скульптор приделал богине новые руки, «подражая стилю столь превосходной и древней статуи», и что-то «переставил в ногах лучшим образом».[296] И только в 1850 г. она оказалась в Эрмитаже, где ее лишили приделанных Демут-Малиновским рук...

Вернемся в петровский «Огород». Думаю, что на аллеях уже тогда стояли скамейки. Весной 1723 г. Петр заказал для Петергофа «по мадели сто скамей деревянных столярною работою немедленно».[297] За 1719 г. известен документ об оплате «за покупные для оковки двух колясок, которые делаютца на трех колесах для гуляния в саду Царского величества».[298] Речь идет о «маленькой колясочке, что в огороде ездят», или «огородных линеях», запряженных «маленькими, или эзельскими, лошадками». Записи о прогулках в таких колясочках Петра в Петергофе в 1720—1721 гг. и Екатерины I в Летнем саду встречаются в Походных журналах Петра и приходо-расходной книге за 1725 г.[299] Из документа 1719 г. нам известно о существовании и портшеза — распарившуюся в бане Екатерину «несли из мыльни в ручной карете».[300]

Аромат роскошных цветников Летнего сада образовывал, вероятно, восхитительную гармонию с шорохом струй многочисленных фонтанов, украшенных свинцовыми вызолоченными фигурами. Бассейны фонтанов делались из камня, выстилались свинцом и снаружи оформлялись «цветным камнем»[301] (мрамором или песчаником). Во Втором Летнем саду (он также назывался «Другой огород»), располагавшемся южнее главного, Первого, был сделан лабиринт с фонтанами на темы басен Эзопа (в попу-

---

[296] Там же. С. 104.

[297] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 37а. Л. 261.

[298] Там же. Оп. 1. Д. 4г. Л. 308.

[299] Книга приходо-расходная комнатных денег императрицы Екатерины Первой // РА. 1874. Кн. 1. С. 556, 559.

[300] АСПбИИ. Ф. 115. Д. 604. Л. 99 об.

[301] РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 70. Л. 5 об.

лярном тогда переложении Лафонтена), которые Петр хорошо знал и ценил за афористичную мудрость. Скульптурные группы на «фабулы из Езоповых притчей» были заказаны в 1724 г. Б. К. Растрелли. В заказе упомянуты знакомые нам с детства (уже по переложениям И. А. Крылова) басни: «Журавль с волком..., Ворон с лисицей..., Волк [и со агнцем] одет в овечей одежде» и еще 29 композиций, включая «Гору и мышь, в которой будет сто штук», «Птицу лунь с двумя лягушками» и т. д.[302] Возможно, любимый детьми памятник «дедушке Крылову» был поставлен в середине XIX в. именно в Летнем саду в память об этих фонтанах.

В сентябре 1725 г. императрица Екатерина I велела резчику Пино «зделать фантану, в которой будет собачка „Фаворитка" с утками розных родов, подобно петергофской».[303] Это тот самый забавный «фабольный фонтан», который чудом сохранился в Петергофе до сих пор. При Екатерине возле фонтана в Летнем саду стояла железная табличка с надписью: «Собачка „Фаворитка" гоняется за утками на воде; тогда утки сказали ей тако: „Ты напрасно мучаешься, ты силу имеешь нас гнать, только не имеешь силы поймать"». Прелесть фонтана состояла не только в трогательной композиции: собачка носится по кругу за уточками, но и в затейном мастерстве Земцова, Пино, фонтанного мастера Суалема и механика Ферстера. Собачка и уточки были сделаны из липы (Пино для этого получал в сентябре 1725 г. толстые доски),[304] нарядно раскрашены. Позже их заменили на медные, полые. Но фокус состоял в том, что водяная турбина на дне бассейна вращала уточек, которые, благодаря хитрому устройству, не только пускали из клюва воду, но и крякали, а бегущая за ними собачка лаяла. В 1729 г. фонтан был закончен: «К фонтане „Фаворитке" на басейн каменною работою зделаны, пол деревом намощен, и машина внутрь внесена, и оной басейн свинцом выс[т]лан».[305]

На зиму «для накрывания фантанов и фабулов к зимнему времени» отпускали 800 штук рогож и циновок. Так было в 1725 г. Одновременно было закуплено 300 брусков, что позволяет подозревать об изготовлении будок, подобных современным, обшитых циновками и рогожами, в которых переживали зиму статуи и бюсты.[306]

Посетитель петровского «Огорода» при желании мог войти через металлические вызолоченные ворота в таинственную темноту Грота — он был украшен разноцветным мрамором, раковинами тропических морей. Этот Грот (стоял на месте современного Кофейного домика) — одно из грандиозных начинаний Петра, предмет его постоянных забот на протяжении многих лет. Грот в Летнем саду, как Стрельну или Кунсткамеру, строили, сменяя друг друга, Леблон, Маттарнови, Микетти, Земцов. Грот

---

[302] Там же. Д. 44г. Л. 1360 об.
[303] Там же. Д. 4. Л. 42.
[304] Там же.
[305] *Раскин А. Г.* Петродворец. Л., 1975. С. 79; РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 70. Л. 5 об.
[306] Там же. Д. 527. Л. 15—16.

состоял из трех залов, в центре главного стоял фонтан с позолоченной фигурой Нептуна на четверке морских коней, «токмо одни переды, а не целые кони»,[307] что и понятно, — ведь кони были морские.

Возможно, это были те самые «2 морские лошади», которые вместе с «2 богами морскими», «6 морскими нимфами» и «1 царем с вилами» (т. е. Нептуном) были выгружены с корабля «Депрингер», прибывшего в Петербург из Голландии летом 1719 г.[308] Возле Грота и внутри его в нишах парами (всего 12) стояли свинцовые вызолоченные статуи. В Гроте также был водяной орган.[309] Такой водяной орган, или «егерская шутка», был сделан и для Петергофа. «Во время игры органа вода приводила в движение деревянные раскрашенные скульптуры егеря, трубящего в рог, сатиров, играющих на флейтах, собак, с лаем преследующих оленя, и двенадцать певчих птиц. Звуки в фигурах „егерской штуки“ воспроизводились с помощью мехов».[310] Возможно, там же были и другие «водяные курьезы», например так называемый клокшпиль — устройство с хрустальными колокольчиками, которые звенели под воздействием струй воды.

Вообще, в истории Грота много неясного. Возможно, «царь с вилами» был установлен где-то в другом месте, так как за 1719 г. сохранился документ, согласно которому в Гроте все фигуры были алебастровые,[311] а в указе 1724 г. предписывалось французскому мастеру Ф. Вассу «по чертежу в Грот Летнего дому Его императорского величества отлить вместо гипсовых фигур свинцовые Нептунос, четыре машкоры».[312]

На одной из площадок размещалась Менажерия, то есть зверинец, под ведением Симона Шталя. На самом деле это был скорее птичник, чем зверинец, и, как в Версале, здесь можно было увидеть экзотических красочных птиц. Всего там жили около тысячи птиц (в 1728 г. — 1066), чей гомон и пенье, вероятно, были слышны издали. Некоторые из них перелетали с ветки на ветку дерева, стоявшего в огромной проволочной клетке. Первейшей птицей менажерии считался попугай «какадуа», живший в компании с тремя десятками «кинареек». Можно было там увидеть уважаемых всеми правителями орлов и множество других птиц.[313] Из зверей Берхгольц в 1721 г. видел синюю лисицу, нескольких соболей и, вероятно, дикобраза.[314]

Непременной частью каждого сада была оранжерея — довольно сложное техническое сооружение, отапливаемое теплым воздухом, где росли самые экзотические растения, которые плодоносили даже в лютые морозы.

---

[307] *Дубяго Т. Б.* Русские регулярные сады. С. 71.

[308] РГИА. Ф. 476. Оп. 4. Д. 526. Л. 32.

[309] *Дубяго Т. Б.* Русские регулярные сады. С. 71.

[310] *Раскин А. Г.* Петродворец. С. 78.

[311] РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 4 б. Л. 136.

[312] Там же. Оп. 4. Д. 14. Л. 38. Ср.: *Кузнецова О. Н., Борзин Б. Ф.* Летний сад... С. 57—58.

[313] РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 730. Л. 3—5 об.

[314] *Берхгольц Ф. В.* Дневник... Ч. 1. С. 62—63, 46.

Несомненно, нужно было высокое искусство садовника, чтобы 1 января 1724 г. поднести государыне Екатерине созревшие яблоки, а 6 мая «огурцов свежих блюдо».[315]

Сложной технической проблемой оказалась подача воды для фонтанов Летнего сада. При жизни Петра ее так, в сущности, и не решили. Вначале хотели использовать водовзводное колесо, построить которое царь в 1705 г. поручил архитектору Ивану Матвееву.[316] Следовательно, первые фонтаны в Летнем саду должны относиться к этому времени. Но найти эффективный способ подъема воды, как и в Петергофе, долго не удавалось. В 1717 г. Петр, обеспокоенный этими неудачами, писал Меншикову из Голландии: «Я сыскал машины и пришлю, что огнем воду гонят, которыя всех протчих лутчее и неубыточны».[317] Скорее всего это была паровая водоподъемная машина по типу машины Т. Севери 1698 г., не имевшая обратного хода поршня. Мастер Жан Питли привез ее из Лондона в 1718 г., но его постигла неудача, и он стал проситься домой.[318] Надежды Петра на первую в России паровую машину не оправдались. Приходилось применять прежние примитивные водовзводные «фантанные колеса», которые с помощью ходивших по кругу лошадей, а иногда и людей[319] поднимали воду из Фонтанки («Фонтанной речки») и выливали ее в специальный резервуар на «водовзводной башне». В 1719 г. Трезини получил задание построить мазанковую башню,[320] потом возвели еще одну, известно, что в 1729 г. ее обивали досками. А уже с этих башен вода текла по свинцовым и чугунным трубам олонецкого и уральского производства в фонтаны.

Долгое время не удавалось подвести к саду и эффективный водовзводный канал, который бы обеспечивал подъем воды за счет разницы высот. Начали было строить канал от Александро-Невского монастыря, но неудачно, потом взялись за другую идею. В 1724 г. был закончен упомянутый выше канал, начинавшийся от Невы, возле Литейного двора, и шедший под углом к Фонтанке. Канал копал Тарас Самойлов по направлению «к новому фонтану». Расчет строился на том, что сооружение это усилит напор невской воды, втекающей из Большой Невы в узкое ложе канала (такой напор хорошо виден под нынешним Прачечным мостом, где начинается Фонтанка), и благодаря ему воду эту можно будет подать на фонтаны.[321] Но и здесь строителей ждала неудача — напора воды не было, а канал стал разрушаться, в 1727 г. там была построена какая-то особая «новая машина для прибавления воды», но потом дело с каналом заглохло.[322] Лишь

---

[315] Книга приходо-расходных комнатных денег... С. 533, 526.
[316] ПБП. Т. 3. С. 528.
[317] РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 1. Л. 3.
[318] *Луппов С. П.* История строительства Петербурга... С. 124.
[319] РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 22а. Л. 336.
[320] *Луппов С. П.* История строительства Петербурга... С. 123.
[321] РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 14. Л. 77.
[322] Там же. Д. 527. Л. 17; Оп. 2. Д. 25. Л. 1.

когда прокопали многокилометровый канал от Лигова и оттуда вода самотеком пошла в водосборные бассейны (в районе современной Бассейной улицы), проблема обеспечения фонтанов Летнего сада была наконец-то решена: эти бассейны, находившиеся выше Летнего сада, обеспечили нужный напор воды в фонтанах.

При строительстве Летнего сада Петр и его помощники исходили из принятых тогда в Европе, и особенно в Голландии, идей создания некоего искуственного «парадиза», подобия небесного рая на земле, где ничто не оскорбляло взор человека, где все заставляло посетителя, оказавшегося в окружении фонтанов, деревьев, райских птиц, запахов и ощущений, забывать о суете несовершенного мира, раскинувшегося за оградой сада. Чтобы люди еще и постигали новые, полезные знания, статуи и фонтаны в саду были снабжены табличками с пояснениями сюжетов изваянных сцен и описанием «персон» богов и героев. Кстати говоря, в отличие от других парков мира, идея оснастить скульптуру пояснительными табличками сохранилась в Летнем саду до наших дней, и, несомненно, они приносят ту же пользу, что и три века назад.

Впрочем, как вспоминает Ф. В. Берхгольц, с наслаждением гулявший по аллеям сада июньским вечером 1721 г., эта гармония нежных звуков, запахов и полезных знаний была резко нарушена отвратительной вонью от ушата грубой, крепкой водки, которые носили по аллеям гвардейцы и насильно, именем государя, заставляли каждого встречного выпивать до дна огромную чашу. У опорожнившего чашу тотчас возникала потребность либо срочно бежать в какой-нибудь укромный боскет, либо, не любуясь более природой, спешить к столам с закусками. И уже «прежнего приятного запаха от деревьев как ни бывало, и воздух был там сильно заражен винным испарением».[323] В день, когда там побывал Берхгольц, столы были накрыты на площадках сада: Шкиперской, Архиерейской и Дамской. Названия их говорили сами за себя. На первой собирались покурить пипку — глиняную голландскую трубку — моряки во главе со шкипером Петром Михайловым, на второй — выпить рюмочку-другую иерархи русской церкви, на третью приходила императрица с дамами.

В праздники в Летнем саду устраивали иллюминацию: на галереях стояли пирамиды из свечей, а вдоль аллей на ветвях деревьев зажигали бесчисленное множество китайских фонариков. Все празднества заканчивались фейерверком и салютом. В дождливую погоду торжества в Летнем саду проходили в трех, упомянутых выше, крытых галереях, построенных вдоль Невы и соединенных с берегом лестницей с причалом, к которому подходили мелкие суда. Да и в хорошую погоду здесь стояли столы, а главное, — тут устраивались танцы. 30 июня 1720 г. А. М. Девьер сообщал Меншикову, как отмечался день Полтавского юбилея: «Его царское величество и все знатнейшия персоны кушали в галдерее, что в ро-

[323] *Берхгольц Ф. В.* Дневник... Ч. 1. С. 38—39.

щице на берегу реки против лугу, и потом гуляли аж заполночь в саду и был фейверок». Театр фейерверка — огромная горящая огнями композиция — размещался напротив галерей, на стоящих на Неве барках,[324] а возможно, и на плотах. Когда отмечали годовщины юбилей свадьбы Петра и Екатерины в феврале 1720 г., то празднество проходило неподалеку, в Почтовом доме, и фейерверк был устроен на льду Невы.[325]

В начале 1725 г. за несколько недель Михаил Земцов построил у самой Невы (берег специально подсыпали, чтобы было место для стройки) деревянную «Залу славных торжествований». Живописные плафоны писали вместе Л. Каравакк и Б. Тарсий. Стены были украшены картинами на темы побед русского оружия. До наших дней дошли несколько картин из «Залы»: «Куликовская битва» А. Никитина, «Гангутское сражение» И. Одольского и «Куликовская битва» А. Матвеева.[326]

«Зала» была задумана еще Петром I. В ней он хотел отпраздновать свадьбу своей старшей дочери Анны с герцогом Голштинским Карлом Фридрихом, который до этого уже несколько лет жил в Петербурге в качестве жениха одной из дочерей Петра. Царь долго колебался, не зная, на какой из своих любимых дочек остановить выбор. Наконец осенью 1724 г. он решился и указал герцогу на Анну[327]. Император до свадьбы дочери не дожил, умер 28 января 1725 г., а свадьбу сыграла 21 мая Екатерина I в той самой «Зале» на берегу Невы. Впервые в Летний сад были «пущены для гуляния... все простые разных чинов люди...».

Портрет на фоне города

Анна Петровна — дочь моряка

Как известно, брак Петра I и Екатерины был долго не освящен церковью. И вот когда в 1712 г. царь решил узаконить свой сердечный союз с Екатериной, то рожденные до брака дочери, Анна и Елизавета, были «привенчаны», то есть официально признаны. Конечно, мстительная и жестокая народная память всей этой истории не забыла, и много лет спустя, когда Елизавета Петровна стала императрицей, каждое второе дело в Тайной канцелярии начиналось с доноса на людей, осуждавших дочь Петра, родившуюся, как тогда говорили, «в блудстве». Но Петр, как и в других делах, не считался с мнением народа, для недовольных он всегда держал наготове толстую палку. Девочки росли в уютных петербургских дворцах, окруженные любовью и лаской родителей. Иностранцы, бывавшие при дворе в начале 1720-х гг., поражались

[324] Там же. С. 47, 105.
[325] Письма и выписки... Стб. 1243, 1237.
[326] *Кузнецова О. Н., Борзин Б. Ф.* Летний сад... С. 88.
[327] *Анисимов Е. В.* Россия без Петра: 1725—1740. СПб., 1994. С. 32—42.

необыкновенной красоте подросших царевен.

Темноглазая и темноволосая Анна отличалась от блондинки Елизаветы не только внешностью, но и нравом. Анна была умнее, спокойнее, рассудительнее сестры, ее застенчивость всем бросалась в глаза. Как пишет современник, во время христосования на Пасху при дворе произошла забавная заминка. Когда знатный иностранный гость захотел поцеловать 14-летнюю Анну, то она страшно смутилась, покраснела, тогда как младшая Елизавета «тотчас же подставила свой розовый ротик для поцелуя». Девушки в царской семье — разменная политическая монета, их выдают замуж за границу, чтобы приобрести политический капитал. Петр это понимал, но, жалея любимых дочерей, тянул и тянул, вызывая недоумение дипломатов. Да и девочки, как пишет французский посол, «тотчас принимались плакать, как только с ними заговаривали о замужестве». Все это — верный признак счастливой, не терпящей разлуки семьи. Но в 1724 г. Петр решился выдать Анну за герцога Голштинского Карла Фридриха. После свадьбы 1725 г. молодожены жили при дворе Екатерины I, но, как только она умерла весной 1727 г., жадный до власти Меншиков буквально «вытолкал» дочь Петра и ее мужа в Голштинию.

Анна Петровна

Жизнь Анны в Киле не сложилась. Муж оказался никудышным, склонным к гульбе и пьянству. Одиночество стало уделом герцогини. Она писала жалобные письма домой и как-то раз, передавая одно из них капитану русского фрегата, не могла удержаться от слез. В феврале 1728 г. у Анны родился сын, будущий император Петр III, и на десятый день после родов 20-летняя герцогиня умерла. Перед смертью она просила об одном — похоронить ее возле «батюшки и матушки». За ее телом пришли русские военные корабли, и под сенью андреевского флага любимая дочь Петра пустилась в последнее плаванье домой, в Петербург. Ее похоронили в Петропавловском соборе 12 ноября 1728 г. Гроб Анны перевезли через Неву на галере, длинные полотнища крепа свисали с бортов, полоскались в невской воде. Прощаться с дочерью Петра пришли корабельные мастера, офицеры, моряки — словом, верные товарищи и сослуживцы русского вице-адмирала Петра Михайлова.